

История

Русские консульства в Монголии в российско-китайско-монгольском политическом взаимодействии начала XX в.

© 2009

А. Сизова

Статья посвящена политическому измерению деятельности русских консульств в Монголии в 1861—1917 гг. и их роли в осуществлении российской «дальневосточной стратегии». Императорский консульский институт внес существенный вклад в разрешение «монгольской проблемы», будучи эффективным механизмом посредничества России в процессе достижения Монголией автономии, а также «кобдоского» и «алтайского» вопросов начала XX в. Анализируется работа консульств по укреплению позиций России во Внешней Монголии и сохранению баланса сил в конкурентной региональной международной подсистеме данного периода.

Ключевые слова: русские консульства, российская дипломатия, Россия и Китай, Россия и Монголия, «монгольский вопрос», международные отношения в АТР.

Одним из наиболее значимых и насыщенных периодов в истории развития монгольской государственности является конец XIX — начало XX вв. Именно в это время на фоне общего «пробуждения Азии» страна преодолела зависимость от Китая, обрела автономный, а впоследствии и независимый статус. Решающим в процессе отделения Монголии от Китая стал российский фактор, поскольку Северная Монголия (Халха) в соответствии с установлениями дальневосточной политики России, выработанной в условиях жесткой конкуренции великих держав, Китая и Японии за доминирование в Восточной и Центральной Азии, входила в зону российского влияния¹.

Защита политических интересов империи, заключавшихся в сохранении политического status quo и увеличении своего экономического влияния в регионе, привлечение симпатий монгольских правящих кругов и народа, регулирование противоречий между сторонами, стремившимися реализовать свои сценарии решения «монгольского вопроса» (Россия, Китай, Монголия, Япония), ложилась на

плечи российских дипломатов в Китае и, прежде всего, глав консульских учреждений в Монголии — Урге (современный Улан-Батор, основан в 1861 г.), Улясутае (Улиастай, 1906 г.), Кобдо (Ховд, 1911 г.), Шара-Сумэ (г. Алтай, в 1907 г. выделился из консульства в Кобдо). Являясь проводниками линии МИДа, консулы одновременно обладали значительной автономностью в выполнении задач по обеспечению интересов России. Степень российского влияния в Монголии и эффективность претворения в жизнь российской политики во многом зависела от них.

Несмотря на то, что по проблемам российско-монгольско-китайских отношений и “монгольскому вопросу” выполнено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов², отдельного исследования, посвященного специфике функционирования российских консульств в Монголии во второй половине XIX — начале XX вв. и их участию в международных отношениях в регионе в указанный период, предпринято не было. Наиболее изученным аспектом данной темы за последние годы стала деятельность Генерального консульства в столице Монголии — Урге в период работы консула Я.П. Шишмарева, освещенная в работе ряда российских историков³. При этом остается мало изученной работа преемников Я.П. Шишмарева и роль консульства в политических отношениях России, Китая и Монголии. За пределами данных публикаций остаются также проблемы участия консульств Западной Монголии (в частности, Кобдо и Шара-Сумэ) в решении важнейших вопросов российско-монгольских и российско-китайских отношений.

Целью настоящей работы является анализ политического измерения деятельности российских консульств в Монголии, их роли в решении “монгольского вопроса” и проблем, сопутствовавших борьбе монголов за независимость.

До 1910-х гг. Генеральное консульство в Урге занималось преимущественно торговыми делами русских в Монголии. Русско-монгольская приграничная торговля имела для России большое значение еще с XVII в.⁴ С ускорением развития российского капитализма с середины XIX в. Халха представлялась правительственным и деловым кругам России выгодным рынком сбыта промышленной продукции, источником сырья, а впоследствии — важнейшей транзитной территорией для русско-китайской торговли. В этот период значительно выросла русская колония в Монголии и соответственно объем работы консульств⁵. В начале XX в. Монголия приобрела для России и политико-стратегическое значение — в качестве “буферной” зоны между Россией и Китаем для сохранения “баланса сил” в регионе, по мере роста международных противоречий в Восточной и Центральной Азии. Более серьезное внимание на Монголию Россия обратила только после русско-японской войны, когда вступила в борьбу за преобладание здесь не только с Китаем, но и с Японией⁶. Россия не могла проникать далее в Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, что было закреплено договорами с Японией 1907 и 1910 гг. Приоритетными зонами для России стали Северная Монголия и Северная Маньчжурия⁷. В связи с этим П. Тан писал: “Только с началом русско-японской войны в 1904 г., который ознаменовал появление Японии как новой победоносной державы на Дальнем Востоке, царская Россия была вынуждена бросить свои интересы в Южной Маньчжурии и обратить большую долю внимания на Монголию”⁸.

В отличие от Синьцзяна, в Монголии русским консулам не приходилось заниматься активной разведывательной и политической деятельностью, поскольку иностранцы здесь стали появляться только к 1880-м гг., а китайская колонизация в Халхе началась в последней трети XIX в. Более того, договорами с

Англией и Японией конца XIX — начала XX вв. Внешняя Монголия была признана сферой специальных интересов России, и союзники не стремились распространить здесь свое влияние. Исключение составляло “тибетское” направление разведывательной работы ургинского консульства, необходимой для ведения “Большой игры”. Она осуществлялась еще с 1870-х гг. Я.П. Шишмаревым и проявлялась в сборе информации у паломников и торговцев, путешествовавших из Монголии в Лхасу, содействии русским военным и ученым экспедициям⁹. Однако в полной мере активность ургинского и западно-монгольских консульств проявилась в период борьбы монголов за национальную независимость 1910-х гг. Консулы содействовали успеху движения монгольской элиты за сохранение национальной самобытности и суверенитета страны, а после 1911 г. — поддержанию в Монголии административного и военного баланса¹⁰. Активная деятельность консульств в Монголии стала важнейшим фактором упрочения торгово-экономических и политико-стратегических позиций царской России в Монголии.

В начале XX столетия в Монголии, ставшей к этому времени “придатком” мировой капиталистической экономики и испытывавшей все более серьезный гнет маньчжурской “метрополии”, развернулось национально-освободительное движение за отделение от Цинского Китая¹¹. С провозглашением так называемой “новой политики”, призванной стать инструментом сохранения авторитета правящей династии в условиях системного кризиса, цинский двор приступил к коренным административным и военным преобразованиям, поощрял ханьскую колонизацию с целью превращения Монголии в рядовую китайскую провинцию. На специальном совещании в Пекине 1909 г. цинское правительство и ряд представителей монгольской аристократии подписали план колонизации Монголии и специальное соглашение, по которому пригодные для земледелия участки последней отчуждались в пользу цинского двора при условии уплаты половины стоимости земли дзасакам соответствующих хошунов¹². Угроза ассимиляции и потери национальной самобытности, бедственное экономическое положение толкнули монгольское население на освободительное движение, вступившее в наиболее активную фазу после Синьхайской революции. По мере развития освободительного движения его лидеры выдвигали панмонгольские лозунги, призывая к объединению всех монголов, в том числе и восточных, и восстановлению утраченной государственности¹³.

В силу объективных причин и ввиду долгих дружественных отношений с Россией, помощи в этой ситуации монгольская аристократия могла ждать только от “белого царя”. Россия поддержала монголов, однако лишь в той мере, в которой это на тот момент отвечало интересам империи. На фоне обострявшейся на рубеже XIX — XX вв. международной обстановки в Европе особую важность для царского правительства имели спокойствие на восточных границах, status quo на Дальнем Востоке, в том числе равновесие в отношениях с Китаем, старательно формировавшееся на протяжении трех веков¹⁴. Независимость Монголии, которую пришлось бы отстаивать в вооруженном столкновении с Китаем, не отвечала насущным внешнеполитическим целям России, и она согласилась на содействие Северной Монголии только в достижении автономного статуса, при сохранении суверенитета Китая¹⁵.

Именно с провозглашением независимости Монголии в декабре 1911 г. русские консульства вышли на авансцену российско-китайско-монгольских политических отношений. По словам Дж. Фриттерса, резкая перемена курса китайского правительства во Внешней Монголии в 1907 г. заставила российских дипло-

матов в Пекине, Урге и Западной Монголии первыми осознать, что через несколько лет Пекин навяжет свою волю в этом пограничном с Россией регионе, и это станет не только барьером для экономического развития, но и представит военную угрозу для российского государства на данной территории¹⁶. Тонкая дипломатическая игра в треугольнике интересов, проводимая консулами, заключалась в выработке стратегического компромисса между Ургой, пытавшейся “отложиться” от Китая и объединить монгольские народности Китая и России в рамках “Великой Монголии”, Пекином, настаивавшим на исторической принадлежности Монголии Поднебесной, и Петербургом, стремившимся сохранить Внешнюю Монголию в качестве сферы влияния и не желавшим видеть ее ни независимой, ни китайской¹⁷.

В последнее десятилетие XIX в. социально-экономическая и внутриполитическая ситуация в Цинской империи становилась все более напряженной. Симоносекский мир, подписанный с Японией в апреле 1895 г. по результатам японо-китайской войны 1894—1895 гг., наложил на Цинов тяжелые экономические обязательства и изменил международную ситуацию в регионе¹⁸. Победа Японии вызвала опасения у великих держав, обострила соперничество за сферы влияния в Китае. Воспользовавшись слабостью Цинского государства, Германия, Франция, Великобритания и Россия в 1895—1899 гг. заняли новые порты, расширили свои концессии в Китае, значительно увеличив экономические возможности в стране¹⁹.

Очередное проявление бессилия китайского правительства питали рост антииностранных и антиправительственных настроений среди населения, в том числе, на окраинах страны. Поэтому уже во время “боксерского восстания” 1899—1901 гг. монгольские князья в Урге, чувствуя слабость центральной власти, высказывали желание выйти из-под власти маньчжуров и создать собственное государство под протекторатом России, обсуждая данный вопрос с российским консулом²⁰. Стремясь добиться расположения российского правительства, монгольские власти оказали содействие консулу в решении вопроса защиты “Монголора” — первого российского акционерного общества рудного дела (основано в 1900 г.), которое цинское правительство пыталось закрыть, пользуясь смутной периодом восстания “ихэтуаней”. Выжидая время для выработки четкой линии в “монгольском вопросе” и сохраняя уверенность в необходимости сохранения центральной власти Пекина над Монголией, МИД России в 1905 г. приказывает ургинскому консульству взять под контроль локальные антицинские выступления в городе²¹.

Документальное закрепление китаизации национальных окраин и революционные события в Цинской империи ликвидировали последние барьеры, сдерживавшие освободительное движение монголов, и 1 декабря 1911 г. Урга провозгласила независимость. Российское консульство в Урге оказало содействие монголам в совершении данного акта. Управляющий консульством В. Лавдовский в ноябре 1911 г. договорился с военным министром В.А. Сухомлиновым о выдаче ургинским лидерам 15 тыс. винтовок и шашек. После изгнания цинского амбана Сань До из Урги В. Лавдовский отказался помочь ему восстановить власть в городе. Однако, руководствуясь “Консульским уставом”, генконсул спас жизнь высокому маньчжурскому чиновнику, укрыв его в консульстве и переправив под казачьим конвоем в Китай²². Во время переворота консул взял под охрану русское и китайское население Урги, китайский телеграф и отделение Дайцинского банка.

29 декабря 1911 г. Джебцзун-Дамба-хутухта взошел на трон великого хана Монголии, было образовано новое монгольское государство. С образованием теократического государства монголов задачей В. Лавдовского стало убедить хутухту, что Россия не поддержит его устремления к независимости, но обеспечит помощь в достижении автономии и выполнение Китаем особых условий сосуществования с Монголией. За полгода до объявления монголами независимости Россией была отвергнута просьба о принятии Монголии под свой протекторат, высказанная прибывшей 15 августа 1911 г. в Петербург делегацией монгольских князей²³. Особое совещание по делам Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина 17 августа 1911 г. отказалось поддерживать монголов силой оружия, но разрешало пополнение консульского конвоя в Урге на 200 казаков, а также сформулировало “три требования” к Китаю²⁴.

В целях недопущения прямых сношений Урги с Пекином и принятия монголами поспешных и несогласованных с Россией решений консулы активно участвовали в переговорах с китайским правительством. Ведя переговоры с Китаем, Россия продолжала оказывать монголам финансовую и военную помощь. Ургинский консул В.Ф. Люба контролировал поступление оружия и работу русских инструкторов.

После 1911 г. Монголия превратилась в новую площадку для деятельности российского капитализма на Дальнем Востоке, который развивался здесь в обновленных и более организованных формах. Консулы активно участвовали в мероприятиях правительства, призванных закрепить международно-правовое положение данной “буферной” области, в том числе организации русского военного инструктажа, упрочении финансовой стабильности страны (создание Русско-Монгольского банка, обеспечение монгольской элиты ссудами и пр.). В задачи российских дипломатических представителей также входила работа по привлечению симпатий монгольской аристократии к “русскому царю”, что подготавливало в ее лице некий оплот для расширения влияния России в Монголии. Роль такой работы еще в 1890-х гг. подчеркивал П.А. Бадмаев, ориентируя российскую власть на необходимость обратить пристальное внимание на “монголо-тибетско-китайский” Восток, вплоть до разработки плана присоединения к России некоторых частей распадавшейся Цинской империи²⁵.

В этот период внимание российской общественности увлекла новая волна обсуждения вариантов поведения правительства относительно Монголии. Правое крыло, представленное в основном военными (А.Н. Куропаткин, Ю. Кушелев, В. Томилин), настаивало на необходимости присоединения Халхи. Либералы, социал-демократы осуждали идею аннексии Монголии. Слышались и голоса поддерживавших идею независимости Монголии (А.П. Свечников, Д. Позднеев, А.В. Бурдуков, Д.П. Першин)²⁶. Несмотря на наличие в российских политических кругах сторонников радикального решения “монгольского вопроса” в пользу России, существовавший в конце XIX — начале XX вв. на Дальнем Востоке международный баланс сил и реконфигурация региональной политической структуры после японо-китайской и русско-японской войн не сулили России успеха в реализации “силового варианта”, тем более, в присоединении Монголии²⁷. Наиболее приемлемым было выстраивание с последней отношений прагматического характера, основанных на учете жизненно важных интересов обеих сторон. Такая позиция высказывалась сторонниками умеренных государственных и деловых кругов²⁸. Эта стратегия и была поддержана российским монархом и осуществлялась МИДом с помощью консульских работников в Монголии и посланника в Пекине.

13 февраля 1912 г. Юань Шикай стал Президентом Китайской Республики, объявив Монголию и Тибет рядовыми провинциями Китая, а решение “монгольского вопроса” — “внутренним делом” Республики. Русский консул и императорский посланник в Урге называли эти действия “направленными против России”, настаивали на необходимости игнорировать телеграммы Пекина ургинским хутухтой, проводили разъяснительные беседы с монгольскими правителями.

В этот период консулы Западной Монголии решали задачи сдерживания панмонгольского движения в других частях Китая, где проживало монгольское население. Главы консульств в Улясутае и Кобдо внесли большой вклад в предотвращение попыток объединения под властью Урги Барги (Хулунбуира) и Урянхая (Сойотии) в январе 1912 г.²⁹ и содействовали урегулированию локальных восстаний в Халхе, препятствуя их соединению с волнениями в Восточной Монголии. Одно из таких восстаний проходило под предводительством владетельного князя Удая (хошуна Чжасахту), который, как и многие князья Внутренней Монголии, хотел примкнуть к Халхе для создания единого национального государства, для чего просил помощи у России³⁰.

На фоне бурных событий в Монголии 1911—1912 гг. генеральный консул В.Ф. Люба и глава миссии в Пекине И.Я. Коростовец прилагали все усилия к убеждению хутухты оставить на тот момент идею независимости, угрожая отказом от какой-либо помощи в освободительной борьбе монголов. Совместно с ургинским правительством они разрабатывали проект соглашения, которое оформило бы автономный строй Монголии, запретило бы размещение китайских властей, войск и ханскую колонизацию на ее территории.

При этом в июле 1912 г. царскому МИДу стало известно, что Пекин не собирался сотрудничать с Петербургом по решению “монгольского вопроса”, тайно переговариваясь с Ургой. Поэтому переговоры с Юань Шикаем были прекращены, и внимание посланника и генконсула переключилось на правительство богдо-гэгэна. Запугивание монголов Пекином и “великомонгольские” идеи хутухты делали переговоры крайне трудными. Ургинское правительство отвергало российские проекты соглашений, поэтому Россия даже пошла на словесную уступку, назвав в документе Внешнюю Монголию “Монголией”. Под давлением В.Ф. Люба с поста был смещен председатель Совета министров Монголии и влиятельный политический деятель Да-лама, горячий сторонник монгольской независимости³¹.

В результате изнурительных переговоров, дипломатического торга, кропотливого труда В.Ф. Любы и И.Я. Коростовца правительство Урги согласилось временно признать Монголию автономной. 21 октября (3 ноября) 1912 г. были подписаны русско-монгольское соглашение и соответствующий протокол³². Русские получали широкие права и экономические привилегии в Монголии. Помимо того, “подписание 21 октября 1912 г. соглашения между Россией и Монголией, по которому русское правительство брало на себя обязательство оказывать Халхе помощь в сохранении автономии, давало России правовые основания вмешательства в события в Западной Монголии”³³. Китай не признал соглашение, и до 1915 г. Внешняя Монголия оставалась, по сути, независимой, однако, под “присмотром” России.

В начале 1913 г. ургинское правительство все еще не оставляло надежд на воссоединение Халхи и Внутренней Монголии и просило поддержки России. Консулы в Урге сыграли большую роль в получении правительством богдо-гэгэна

российских займов и в контроле над их использованием. В 1913—1914 гг. Россия по настоянию генконсулов выдала Монголии три крупных займа в 100 тыс., 2 млн руб. и 3 млн руб. на организацию армии, административное реформирование и т.д. Для обеспечения надлежащего использования займов в 1914 г. в Монголию был направлен финансовый советник С.А. Козин, который наряду с консулом должен был предостерегать монголов от закупки оружия для вторжения во Внутреннюю Монголию и иных нецелевых трат³⁴.

По вопросу о перевооружении монгольской армии Генконсул В.Ф. Люба вел переговоры с начальником отдела Дальнего Востока МИД. В сентябре 1912 г. ему удалось получить разрешение военного ведомства на поставку в Монголию 6 тыс. винтовок, 3 млн патронов, 2 тыс. драгунских шашек и нескольких орудий. Консулу поручалось проследить, чтобы монголы использовали их именно для защиты Халхи и не приобретали иностранное оружие³⁵. Нельзя было допустить военного перевеса монголов над китайцами, что могло повлечь необратимые последствия. И.Я. Коростовец подписал соглашение на один год об организации в Урге военной бригады с помощью русских советников³⁶. Однако осуществление контроля над использованием средств и оружия консулами и посланником было весьма затруднено, а панмонгольские идеи на фоне ослабления Китая к этому времени прочно укрепились в умах местных князей, и национальное движение продолжалось.

Поскольку Китай не признал русско-монгольское соглашение, министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в ноябре 1912 г. предложил Юань Шикаю “обоюдоприемлемый выход” из “монгольской проблемы” — подписание договора об автономии Халхи на началах соглашения с ургинским правительством, подготовку которого и начали российские дипломаты. Этот процесс, одной из центральных фигур которого был генконсул В.Ф. Люба, отражен в документах “Красного архива” за 1913 г.³⁷ В ходе обсуждения условий договора с правительством Юань Шикая, консулам также приходилось пресекать попытки недовольных результатами соглашения 1912 г. монголов вести сепаратные переговоры с Пекином и поиски союзников для создания “Великой Монголии”. В частности, вице-консульство в Хайларе (Внутренняя Монголия) не допустило выезда из страны премьер-министра Да-ламы для переговоров в Японию. Ярким примером также является случай с перехватом письма Намнан-Сурэна японскому императору³⁸. Генеральному консулу удалось разоблачать и китайских разведчиков в среде монголов³⁹.

23 октября (5 ноября) 1913 г. в Пекине была подписана русско-китайская декларация. Россия признавала сюзеренитет Китая над Монголией, а Китай признавал автономию Внешней Монголии. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела Монголии, не вводить туда войска, не колонизовать ее. Китай также соглашался не содержать на территории страны военные и гражданские власти. Специальная нота утверждала обязательство Пекина согласовывать с Петербургом позиции по территориальным и политическим вопросам, касающимся Монголии⁴⁰. Несмотря на недовольство монгольской аристократии условиями соглашения (“Лучше пусть не будет никакой независимости, чем половинчатая”⁴¹), оно послужило шагом к будущему трехстороннему договору об автономии Монголии.

Подписание Кяхтинского русско-китайско-монгольского соглашения 1915 г.⁴² стало логическим завершением процесса установления монгольской автономии. Конференция в Кяхте явилась триумфом царской дипломатии и ре-

результатом напряженной работы императорских консульств. Главную роль на ней сыграл генеральный консул А.Я. Миллер, являвшийся главой российской делегации на Кяхтинской конференции. Российская сторона не была заинтересована в проведении тройственных переговоров по “монгольскому вопросу”, поскольку закрепила механизмы реализации своих интересов в предыдущих документах с Монголией и Китаем. Однако неудовлетворенность монголов результатами русско-китайского соглашения выразилась в попытках заключить сепаратный договор с Пекином. В августе 1913 г. Пекин направил в Ургу телеграмму с предложением начать переговоры, которую монгольские власти скрыли от А.Я. Миллера. В августе 1913 г. он воспрепятствовал приезду китайского представителя в Ургу для тайных переговоров с правительством хутухты, проведя с министрами Намнан-Сурэном и Ханда-Доржи “большую работу”⁴³. Данная ситуация ставила перед новым генеральным консулом А.Я. Миллером и посланником в Пекине М. Крупенским серьезную задачу нейтрализации тайных китайско-монгольских сношений и окончательного закрепления достигнутых договоренностей по проблеме автономности Халхи. Несмотря на сопротивление русского консула и посланника в Пекине, ургинские власти добились проведения трехсторонних переговоров. Таким образом, решение о созыве трехсторонней конференции было принято с целью нейтрализовать неудовлетворенность монголов условиями декларации 1913 г. и пресечь их попытки заключить сепаратное соглашение с пекинским правительством. В результате консультаций А.Я. Миллера с ургинскими министрами и М. Крупенского — с Сунь Бао-ци, местом для переговоров была выбрана Кяхта.

Переговоры в Кяхте были исключением из общей дипломатической практики политических переговоров. Это был один из редких случаев, когда переговоры от лица правительства по политической проблеме вел не глава дипломатической службы в стране, а консул, что в данном случае подчеркивало статус и широту полномочий главы генерального консульства в Урге А.Я. Миллера⁴⁴.

В китайской историографии Кяхтинский договор описывается как “грабительский” и “агрессивный” акт “военно-феодальной” России⁴⁵, а поведение генконсула на переговорах характеризуется как “агрессивное”. Историк Лю Цунькуан пишет: “Россия ожесточенно угрожала Китаю и оказывала давление, действовала грубо и бесцеремонно, с нарушением данных слов, в агрессивной манере завоевания все больших преимуществ, прибегая даже к остановке переговоров как к методу принуждения, и закончила переговоры только после безоговорочного принятия китайской стороной ее необоснованных требований”⁴⁶. Хо Ханьвэнь назвал Монголию после 1915 г. “полузависимым государством под российским протекторатом”⁴⁷, так как она переходила в фарватер политики России. Исследователи КНР полагают, что Россия добилась “автономии” Халхи, потому что она “в наибольшей степени удовлетворяла царским агрессивным интересам в Монголии — изоляции и контролю, превращения ее в монополизированный протекторат и объект грабежа”⁴⁸.

Главная заслуга А.Я. Миллера в Кяхте состояла в том, что он сориентировал монгольских и китайских переговорщиков именно на русский проект соглашения, и позиция России об автономном статусе Монголии оказалась определяющей. На протяжении 40 раундов переговоров А. Миллеру пришлось разбирать с китайцами и вопросы уротно-почтовой связи, строительства Россией в Монголии железных дорог и телеграфных линий и т.д. Ему также удалось одержать победу в споре о торговых пошлинах (повышение обложения иностранных товаров,

ввозимых в Халху), для чего пришлось даже прерывать переговоры. Под нажимом В. Крупенского и А. Миллера китайская делегация уступила и в трудном вопросе о колонизации Халхи. Полоса между Внутренней и Внешней Монголией оставалась районом кочевков местного населения, а не китайских поселений. Китай также согласился амнистировать всех уроженцев Внутренней Монголии, перешедших на сторону Урги в борьбе за независимость. Основным достижением России стало получение по соглашению широчайших торгово-экономических преимуществ на территории страны. Для Монголии же документ ознаменовал начало нового периода — широкой автономии в составе Китая.

По мере разворачивания панмонгольского антицинского движения в Китае в 1910-х гг. важную роль в российско-китайско-монгольских отношениях сыграли и русские консульства в Западной Монголии. В то время как Пекин, Урга и Петербург вели переговоры о судьбе Халхи, китайское правительство пыталось предотвратить отторжение “мятежных” северо-западных окраин. Стремление “центра” сохранить суверенитет над Халхой натолкнулось на острое противостояние населения Кобдоского и Алтайского округов, требовавшего воссоединения с Ургой⁴⁹. По просьбе монгольских властей российский МИД решил содействовать вхождению двух округов в состав Халхи, так как они являлись ее продолжением в этническом, этнографическом и географическом смыслах, представляя собой “заслон” от Китая. Особое значение в борьбе монголов за Кобдо и Алтай имела деятельность главы консульства в Кобдо М.Н. Кузминского.

В ответ на попытки Юань Шикая в мае 1912 г. создать регион “Западная Монголия” и увеличить войска в Кобдо, Урга решила бороться за Кобдоский округ. М. Кузминский посредничал на переговорах китайцев и монголов во время осады и разорения Кобдоской крепости и даже подвергся нападению. После взятия монголами Кобдо 20 августа 1912 г. российское консульство укрыло в своих стенах 699 китайцев, в том числе военнотружущих, организовало их отправку на родину через Кош-Агач⁵⁰.

М. Кузминский пытался урегулировать конфликт мирным путем. Он предотвратил наступление цинских войск на город осенью 1912 г., но не смог противостоять желанию военного губернатора Синьцзяна Ян Цзэнсиня отомстить и отправить отряды в округ вновь. Консул ходатайствовал перед МИДом о вводе русских войск в Кобдо, ставших весомой силой в борьбе округа за самостоятельность в конце 1912 — начале 1913 гг. Вхождение Кобдо в состав Халхи было закреплено в соглашении с Палта-ваном 1913 г. и Кяхтинском трактате 1915 г.

Русские консульства в Урге и Кобдо содействовали устранению из Монголии легендарного Джа-ламы⁵¹. В сентябре 1913 г. 4 тыс. кобдоских казахов, доведенных его режимом до нищеты, вынуждены были откочевать в Россию. Консул в Кобдо В.Ф. Люба хлопотал о предоставлении им пастбищ по возвращении на родину и запретил китайским войскам, преследовавшим беглецов, переходить границу с Россией. В конце 1913 — начале 1914 гг. жалобы на самоуправство Джа-ламы вынудили генконсула А.Я. Миллера арестовать его и выслать из страны.

Решение “алтайского” вопроса также потребовало от российских дипломатов в Кобдо, Шара-Сумэ⁵² и Урге больших усилий, хотя и не вполне удовлетворило ургинское правительство. Осенью 1912 г. китайское правительство направило в Алтайский округ дунганские войска, и до лета 1913 г. они вели ожесточенные бои с монголами. В июле 1913 г. М. Кузминский начал разрабатывать с правителем Алтайского округа Палта-ваном условия перемирия. По просьбе М.Н. Кузминского и В.Ф. Любы в сентябре 1913 г. в Шара-Сумэ было

командировано подразделение Верхнеудинского полка, в результате чего дунганские войска вернулись в Или. Однако российский МИД убедился в невозможности присоединения Алтая к Халхе, и вскоре русские войска были выведены. По договору 21 декабря 1913 г. стратегический пункт Цаган-Тункэ был очищен от китайских войск, Кобдо признавался частью Халхи, была определена временная граница между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов⁵³. Примечательно, что договор подписал именно русский консул в Шара-Сумэ М.Н. Кузминский.

Алтайский округ не был объединен с Халхой, но в начале 1914 г. М.Н. Кузминскому удалось договориться с управляющим Алтайским округом Лю Чанбином и Ян Цзэнсином, желавшими восстановить позиции в Западной Монголии, оставить округа в прежних пределах на условиях невторжения китайцев и монголов на территории друг друга⁵⁴. Стремясь ввести Алтай в состав Синьцзяна, М.Н. Кузминский отстаивал интересы России, практически, явочным порядком, сочетая управление округом с опорой на военный контингент казаков. Благодаря ему Россия усилила здесь политическое и экономическое влияние (только русским позволялось заниматься торговлей, разведкой полезных ископаемых и т.д.). Однако ситуация с увеличением степени физического присутствия русских (в том числе незаконного) в Китайском Алтае и установленным “де-факто” протекторатом над округом требовала срочного разрешения, вариантом которого могли стать “исправление” границы или все-таки отход Алтая к автономной Монголии⁵⁵. Мировая война и революционные события в России отодвинули проблему подписания мирного договора с Китаем и заставили Россию забыть о планах возможной аннексии Восточного Туркестана. Тем не менее, до 1917 г. Алтайский округ оставался самой “пророссийской” частью Синьцзяна⁵⁶.

Дипломатические усилия российских дореволюционных консулов, направленные на защиту национальных интересов государства и получение Монголией автономного статуса в период освободительной борьбы ее народа, заслуживают высокой оценки. Их профессионализм, проявившийся в грамотной реализации указаний МИДа, и собственная инициатива в оперативном принятии стратегически важных решений, имели результатом достижение российской дипломатией всех поставленных целей в отношениях с Монголией и Китаем и оптимальных на тот момент результатов для всех участников решения “монгольской проблемы”. Россия усилила политическое и экономическое влияние в Монголии и обрела таким образом некий “буфер”, отделяющий ее от китайской территории. Усилиями главного российского переговорщика генконсула А.Я. Миллера Россия четко обозначила и документально закрепила собственные интересы в дальневосточном регионе. В свою очередь, Кяхтинское соглашение 1915 г. способствовало сохранению целостности Китая и не нанесло серьезного ущерба российско-китайским отношениям, в то же время закрепило первый серьезный шаг Халхи на пути к восстановлению государственности и достижению независимости.

Решения относительно “кобдоского” и “алтайского” вопросов, принятые консулами в Урге и Западной Монголии и поддержанные правительством, также можно назвать эффективными, поскольку российские дипломаты выступили гарантами компромисса между лидерами желавших воссоединения с Ургой округов, богдо-гэгэновским правительством и республиканским Китаем, а также соблюдения всех достигнутых договоренностей. Они смогли предотвратить гибель гражданского, в том числе китайского населения в Кобдо во время борьбы монголов за город и боевых действий между повстан-

цами и правительственными силами Китая в Алтайском округе, осуществляя всестороннее гуманитарное содействие районам, охваченным конфликтом. Российские консулы в Кобдо, Шара-Сумэ и Урге употребили все усилия для того, чтобы отторжение Кобдоского округа от Китая в пользу Монголии и соглашение о сохранении status quo в Алтайском округе не нарушило существовавшего в регионе международного равновесия и одновременно способствовало укреплению позиций России в Северо-Западной Монголии и Синьцзяне.

Симпатии народа и правящих кругов Монголии, привлеченные Россией в результате активной и разносторонней деятельности императорских консульств по развитию двусторонних отношений в исследуемый период, во многом определили особо теплый и сотруднический характер отношений России и Монголии в последующие периоды межгосударственного взаимодействия.

1. *Tang P.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911—1931. Durham, 1959. P. 288.
2. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999; *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004; *Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX вв.). М., 1980; *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994; *Дацышен В. Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Красноярск, 2000; *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861—1921 гг.). Иркутск, 2003; *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000; *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М., 1960; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.). Барнаул, 2003; *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2003; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М., 1987; *Fritters G.* Outer Mongolia and Its International Position. L., 1951; *Paine S.C.M.* Imperial Rivals, China, Russia and Their Disputed Frontier. M.E. Sharpe Inco, 1996; *Jindai guoji guanxi shi* [История международных отношений в Новое время]. Хэфэй, 2003; *Dong Ya shi.* История Восточной Азии с древности до конца XX в. Чанчунь, 2006; *Diplomacy of China* [Дипломатия Китая. Энциклопедия]. Пекин, 2000; *Sha E qinlue Hua shi* [История агрессии русского царизма в Китае]. Т. 1-4. Пекин, 1978—1990; *Sha E qinlue Zhongguo xibei bianjia shi* [История агрессии царской России в северо-западных районах Китая]. Пекин, 1979. и др. (См. примечания 1-5 к ст.: *Старцев А.В., Старцева (Сизова) А.А.* “Монгольский вопрос” начала XX в. в современной китайской историографии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Материалы международ. науч. конф. 18 мая 2007 г. Барнаул, 2007. С. 194—212).
3. *Андреев А.И. Я.П. Шишмарев* — дипломат, путешественник, исследователь Монголии // *Mongolica*, VI. СПб., 2003; *Единархова Н.Е.* Русский консул в Монголии. Иркутск, 2001; *Она же.* Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск, 2008; *Кузьмин Ю.В. Я.П. Шишмарев* — генеральный консул России в Монголии: 1861—1911 // *The IAMS News Information on Mongol Studies Bulletin.* Ulaanbaatar. 1997. 2 (20); 1998. №№ 1 (21); *Ломакина И.И.* Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М., 2006.
4. *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Империя Цин и Россия в XVII — начале XX вв. // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 138—141.
5. Учреждение российских консульств и факторий в Монголии было осуществлено в соответствии со статьями Пекинского (1860 г.) и Петербургского (1881 г.) договоров.

6. *Единархова Н.Е.* Из истории пребывания русских в Монголии (до 1917 г.) // *Диаспоры.* 1999. №№ 2-3. С. 98.
7. *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000. С. 40; Секретная конвенция, заключенная между Россией и Японией о Маньчжурии, Корее и Внешней Монголии // *Русско-китайские договорно-правовые акты, 1689—1916.* М., 2004. С. 538—539; *Русско-японская конвенция о разграничении сфер их “специальных интересов” в Маньчжурии и Внутренней Монголии,* 25 июня 1912 г. // Там же. С. 549—550.
8. *Tang P.* Op. cit. P. 288.
9. *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006. С. 67-72.
10. Письмо МИД С. А. Сазонова, 15 авг. 1912 г. // *Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств (1878 — 1917 гг.).* Серия 2. М.; Л., Вып. 1. Т. 20. 1940. С. 8.
11. *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984; *Дылыков С. Д.* Демократическое движение монгольского народа в Китае. М., 1953; *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957; *История Монгольской Народной Республики.* М., 1983; *Ишжамц Н.* Национально-освободительное движение в Монголии в конце XIX — начале XX вв. Улан-Батор, 1975; *Калинников А.* Вооруженная борьба за освобождение Монголии. Улан-Батор, 1928; *Лузянин С. Г.* Проблема возрождения Монгольского государства и позиция России 1911-1921 гг. // *Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке.* М., 2001. С. 17-30; *Нацагдорж Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958; *Попова Л. П.* Общественная мысль Монголии в эпоху “пробуждения Азии”. М., 1987; *Сандаг Ш.* Важный этап борьбы монгольского народа за свободу и независимость страны 1911—1919 гг. // *Современная Монголия.* 1989. №№ 4; *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX—XX вв. Улан-Батор, 1963; *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. Leiden, 1955; *Rupen R.* The Mongols of the Twentieth Century. Pt. 1-2. Bloomington, 1964; *Он же.* How Mongolia is Really Ruled. A Political History of the M.P.R. (1900—1978). Stanford, 1979; *Gu Mingyi.* Zhongguo jindai waijiao shilue [Очерки внешних сношений Китая в новое время]. Чанчунь, 1987; *Guo Tingyi.* Jindai Zhongguo shigang [История Китая в новое и новейшее время]. Гонконг, 1982. Т. 2.; *Menggu zu jianshi* [Краткая история монгольского народа]. Пекин, 1984.
12. *История Монголии. XX век.* М., 2007. С. 17.
13. *Белов Е.А.* Россия и панмонгольское движение в 1911—1919 гг. // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия.* 3-я Международ. конф. Челябинск, 1995. Ч.1.
14. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 162-184.
15. *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.) М., 1999. С. 41.
16. *Fritters G.* Op. cit. P. 54.
17. *Старцева (Сизова) А.А.* Русские консульства в Монголии и их роль в русско-монголо-китайских отношениях в конце XIX — начале XX вв. // *Сб. тезисов III международ. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых “Актуальные проблемы гуманитарных наук”.* Томск, 2006. С. 73.
18. *Паркер Э.* Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней.: Пер. с англ. СПб., 1903. С. 206—210; *Roberts J.M.* The Penguin History of the World. 5th ed. L., 2007. P. 837—838, 847—848.
19. *Jindai guoji guanxi shi.* Хэфэй, 2003. С. 322—323, 368—369.
20. *Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.* // *Красный архив.* 1928. Т. 7. С. 4.
21. Там же. С. 4—6.
22. Ст. 142 “Устава консульского” Российской империи (1903 г.) гласила: “Подданным дружественных с Россиею держав, находящихся в местах пребывания Российской Миссии и Консульств, где нет начальств тех держав, оказывается всякое благоприятство и

- возможная защита". См.: "Устав консульский". С. 2303; Мясников В.С., Шепелева Н.В. Китай и Монголия // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 144.
23. Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 39—45, 48—49.
 24. Требования России к Китаю: 1. Не заселять Халху китайцами. 2. Не посылать в Халху китайские войска. 3. Не вводить в Халхе китайское управление. Подробнее см.: Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 41—42.
 25. Бадмаев П.А. Россия и Китай. СПб., 1905. С. 17, 51.
 26. Кузьмин Ю.В. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России // *Mongolica*-III. СПб., 1994. С. 75-79.
 27. История Монголии. XX век М., 2007. С. 20.
 28. Кузьмин Ю.В. Позиция демократической интеллигенции России в "Монгольском вопросе" после Синьхайской революции // XXIII науч. конф. "Общество и государство в Китае". Тез. докл. М., 1991. Ч. 2. С. 68—72.
 29. Богословский В.А., Москалев А.А. Указ. соч. С. 26—29; Белов Е.А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911-1914 гг.) // Восток. 1995. №№ 1. 56—67.
 30. Белов Е.А. Антикитайское восстание князя Удаа во Внутренней Монголии (1912 г.) // Восток. 1996. №№ 3. С. 39—44.
 31. Белов Е.А. Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999. С. 82.
 32. Россия обязалась оказывать помощь Монголии. Монголия сохраняла автономный строй, могла содержать войско. На ее территорию не допускались китайские войска, запрещалась китайская колонизация. Русские получили права свободного проживания и передвижения по территории страны, занятия торговыми, промышленными делами и промыслом, беспопыльной торговли товарами любых стран, покупки земли в любых городах и хошунах, эксплуатации горных и лесных богатств, любых транспортных артерий страны. См. подробнее: Русско-китайские отношения, 1689—1916.: Официальные документы. М., 1958. С. 122—126.
 33. Моисеев В.А. Указ. соч. С. 278.
 34. Старцев А.В. Указ. соч. С. 101—102.
 35. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Т. 20, Ч. 2. С. 303.
 36. Хишигт Н. Монголо-русское сотрудничество в военной области (1911—1916 гг.) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX в. Сб. статей. М., 2001. С. 31-42.
 37. Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. // Красный архив. 1928. Т. 7
 38. Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 113—114.
 39. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1940. Т. 20. Ч.2. С. 238.
 40. Моисеев В.А. Указ. соч. С. 285.
 41. Белов Е.А. Указ. соч. С. 111.
 42. Кяхтинское трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии, 25 мая 1915 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 420—426.
 43. Белов Е.А. Россия и Монголия. С. 117.
 44. Китайскую делегацию возглавил Би Гуйфан (губернатор Хэйлунцзянской провинции), монгольскую — министр внутренних дел Беликтгун (с ноября 1914 г. — заместитель министра юстиции Ширнин — Дамдин).
 45. Liu Cunkuang. Zhong E guanxi yu Wai Menggu zi Zhongguo de fenli (1911—1915) [Китайско-русские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая (1911—1915 гг.) // Zhong E guanxi de lishi yu xianshi [История и современное состояние китайско-русских отношений]. Кайфэн, 2004; Jindai guoji guanxi shi. Хэфэй, 2003; Dong Ya shi. Чанчунь, 2006; Diplomacy of China. Пекин, 2000; Menggu zu jianshi. Пекин, 1984.
 46. Liu Cunkuang. Op. cit. С. 158.
 47. Tang P. Op. cit. P. 340.
 48. Liu Cunkuang. Op. cit. С. 161.

49. В начале XX в. Кобдоский округ занимал всю территорию Западной Монголии и граничил с Халхой на востоке и Тарбагатаем на западе. В рамках политики заселения пограничных с Россией территорий для укрепления центральной власти на окраинах, в 1907 г. цинское правительство выделило из него Алтайский административный округ с центром в Шара-Сумэ (Чэнхуа) и приступило к строительству крепости, военных поселений и проч.
50. Белов Е.А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912-1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №№ 1. С. 98.
51. Джа-лама — военачальник, руководивший осадой Кобдо, и впоследствии захвативший власть в округе. Вышел из-под управления Урги и желал создать собственное государство. Отличался жестокостью, свирепствовал в отношении казахов Кобдо. Однако большая часть населения Кобдоского округа считала его святым, воплощением Амурсаны, и после высылки Джа-ламы из страны ждала его возвращения, которое должно было “спасти” Монголию.
52. К этому времени уже существовало два отдельных консульства в Кобдо и Шара-Сумэ.
53. Прелиминарный договор о демаркационной линии между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов, 8 декабря 1913 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 413—415.
54. Моисеев В.А. Указ. соч. С. 290.
55. Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. М., 2007. С. 123.
56. Белов Е.А. Царская Россия...С. 102—103.